

Юрий и Аркадий Видинеевы
Салон мадам де Лери

Мистика, фантастика, криминал

Юрий и Аркадий Видинеевы
**Салон мадам де Лери. Мистика,
фантастика, криминал**

«Издательские решения»

Юрий и Аркадий Видиневы

Салон мадам де Лери. Мистика, фантастика, криминал / Юрий и Аркадий Видиневы — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855548-0

В салоне мадам де Лери что-то было не так. «Какая странная аура в этом помещении», — подумала Мими, войдя в просторный холл. Все там было солидно и респектабельно, все должно бы было располагать к эмоциональному комфорту, но вызывало непонятную тревогу. Мими вдруг вспомнила разговор со своим импресарио перед отлетом в Рай-Вегас:— Будь транжиркой! Сори своими электронными деньгами! Но не ходи в салон мадам де Лери! — напутствовал Мими ее импресарио.

ISBN 978-5-44-855548-0

© Юрий и Аркадий Видиневы
© Издательские решения

Содержание

Рыжая борода	6
Возвращение Чумного	12
Глава 1	13
Глава 2	14
Генералиссимус и маршал	15
Картина первая. Герои готовятся к бою	17
Картина вторая. Гроза	18
Картина третья. Мене, Мене, Текел...	20
Картина четвертая. Завтра свершится предначертание	21
Картина пятая. Какое это было зрелище!	22
Геор – Молчун	23
Глава первая. Молчание бомжа	24
Глава вторая. Взлёт в падении	25
Глава третья. В предчувствии беды	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Салон мадам де Лери Мистика, фантастика, криминал

Юрий и Аркадий Видинеевы

© Юрий и Аркадий Видинеевы, 2017

ISBN 978-5-4485-5548-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыжая борода

Тетрадь в зловеще-черном переплете жгла руки. Но разжигающее изнутри любопытство было сильнее осторожности. Старуха открыла тетрадь. На титульном листе была странная и довольно глупая надпись: «Тайные знания жрецов племени Майя, вывезенные черным монахом, сопровождавшим Васко да Гама в его морских путешествиях». Ниже было написано еще непонятнее и глупее: «Собственность Тайного Ордена Хранителей Семи Магических Ключей. Охраняется Силами Тьмы».

– Абракадабра какая-то, – разочарованно подумала старуха, открыла следующую страницу и стала читать, беззвучно шевеля бесцветными морщинистыми губами: «О, Великий и Наисладчайший Повелитель, Князь мира сего и Сил Тьмы! Мы, верные слуги Твои, покорнейше взываем к Тебе: Нашли неизлечимую проказу, слепоту и безумие на всякого, кто дерзнет читать эту рукопись, не получив на то засвидетельствованного нами знаменья о Твоем высочайшем согласии после испития им свежей крови человеческого младенца на черной мессе!».

Старуха ничего из этого не поняла, но некоторые слова ее не на шутку перепугали:

– Свят-свят-свят! Чур, меня! Это что ж мне теперь: слепота, безумие и проказа? Это за что на меня такие напасти? Не читала я ничего! И не хотела читать! – Она в ужасе отшвырнула от себя тетрадь. Потом боязливо подняла ее и положила на прежнее место.

Старуха была «процентщицей». Зловещую тетрадь принес старик, показавшийся ей подозрительным. И хотя подозрительными для старухи были все люди без исключения, этот вызвал особую подозрительность необычностью своего обращения. Обычные посетители брали у нее деньги под заклад. А этот сам давал деньги под заклад своей тетради. И деньги большие. Старуха от необычного всегда отказывалась: вдруг обман? Только какой же здесь может быть обман, если не старуха ему, а он ей деньги дает? И большие деньги! Но душа у нее была не на месте. Что-то в этом ее пугало. И вот теперь она опять испугалась: не тетрадь, а зараза какая-то! Вдруг этот подлый старик для того и затеял все это, чтоб болезнь на нее наслать?

Ночью процентщице не спалось. Дневные страхи не улеглись, а еще больше усилились. Зарекалась ведь она никогда не соглашаться на необычные предложения. Разве их могут делать просто так, без подвоха? Весь вид того странного старика казался теперь ей мошенническим. Ну что у него за шляпа? Такие шляпы лишь мошенники носят! А что у него за очки? Только мошенникам их носить! Конечно, мошенников в таких шляпах и очках ей пока встречать не приходилось, но на то и ум человеку дан, чтобы все заранее разглядеть. А она, дура старая, только теперь ясно видит, что весь наряд у деда мошеннический, весь вид мошеннический. Особенно эти седые, мохнатые брови, седые усы, борода. Пусть только завтра заявится! Она мигом с ним сделку расторгнет! Не нужны ей эти его деньги! Не такая уж она и дура!

Старик появился, как обещал, ровно в назначенный час и принес процентщице деньги для продления договора.

– Не нужны мне эти Ваши деньги, любезнейший! – зло и запальчиво закричала старуха, – Забирайте-ка свой заклад, да и уходите с миром, не то я на Вас в милицию заявлю! Ишь, нашли себе развлечение над одинокой женщиной насмеяться!

Старик не испугался, не рассердился, а примирительно улыбнулся и ответил тихо:

– Я нахожусь в затруднительном положении: мой товарищ, большой ученый, попросил меня передать эту тетрадь из рук в руки профессору Василевскому, когда я приеду в Москву. Дела задерживают меня в Вашем городе, и я не знаю, сколько мне еще придется здесь прожить. Может быть один день, может быть неделю. Остановился пока в гостинице, в номере на шесть человек. Сами понимаете, люди все незнакомые, сегодня одних поселили, завтра – других. Вдруг тетрадь украдут? А она, как я понял, имеет научную ценность. Потому и решил у Вас ее хранить. Ведь у Вас все условия для хранения ценностей.

С этими словами старик положил перед процентщицей деньги и направился к выходу. Перед дверью он остановился и, обернувшись к старухе, сказал:

– Хочу Вас предостеречь. Та женщина, которая зайдет к Вам сегодня после меня, может погибнуть завтра в дорожно-транспортном происшествии. Поэтому подумайте, следует ли Вам заключать сделку с нею.

Вскоре после ухода странного старика к процентщице пришла женщина. Она была очень взволнованна, говорила эмоционально, импульсивно, сказала, что очень спешит. Женщина выложила перед старухой золотое колечко, два золотых перстенька: один с рубином, другой – с пятью бриллиантами. Затем сняла с себя и положила рядом золотые серьги. Спросила, сколько она может получить под такой заклад денег сроком на один месяц. Сделка могла быть выгодной и старуха заколебалась. Жадность вступила в борьбу с недоверием, посеянным предостережением странного старика. Борьба была недолгой. Природная подозрительность процентщицы взяла верх. Женщина получила отказ и ушла в огромном смятении.

На следующий день странный старик, принеся деньги для продления договора еще на один день, положил перед процентщицей газету и сообщил:

– Здесь написано, что вчера вечером в районе городского дома культуры в дорожно-транспортном происшествии погибла гражданка Макеева Н. Г. По предварительным данным, она внезапно стала переходить проезжую часть улицы в неположенном месте, попала под колеса маршрутного микроавтобуса и скончалась на месте, не приходя в сознание.

– Точно это она! – непроизвольно вырвалось у старухи.

– Вы ее знали? – спросил старик, заранее зная ответ.

– Фамилию я у нее не спрашивала, мне это ни к чему. Но точно это она, – с тупой уверенностью повторила процентщица. Ее ограниченный ум не допускал иных вариантов.

– Она вчера от меня уходила такой дурой, что я сразу поняла: вся статья ей под машину попасть, – выпалила старуха без всякой жалости к погибшей, и вдруг задумалась:

– А не промахнулась ли я, что не взяла у нее заклад? Кто бы стал теперь у меня его требовать? Как там старик этот говорил? Он не сказал, не бери заклад. Он сказал «подумай». А я подумала не впопад. Брать надо было ее заклад! Ничего, в другой раз не промахнусь! Пусть только опять намекнет, если он так все знает.

Уходя, старик сказал:

– Завтра к Вам могут прийти вместе двое мужчин. Задержите их возле себя подольше.

– Какой глупый совет в этот раз, – подивилась процентщица. Но спалось ей почему-то тревожно, и наутро она решила этому совету последовать.

Двое мужчин пришли вместе. Они принесли золотую цепочку, подписали закладную расписку, получили кредит и направились к выходу.

– Они или не они? Если это те самые, на которых намекал странный старик, то хорошо бы их задержать у себя на время, хотя бы для того, чтоб узнать, в чем значение этого намека.

Вдруг от этого будет какая польза? Вдруг это прибыль мне принесет. В этот раз надо прибыль не упустить! – подумала старуха и закричала им вслед:

– Мужчины! Подождите, я спросить у вас хочу.

Мужчины остановились, повернулись к ней с недоумением.

– Я вот что спросить хочу, – сказала процентщица и запнулась. Как это она заранее не подумала, о чем можно спросить? Ум у не быстрый, да и по карманам ни одного готового словечка не припасено.

От затягивающейся неловкости старуху спасло появление нового посетителя. Он быстро и решительно перешагнул порог, но, увидев по бокам от себя двух сильных мужчин, растерялся и заспешил назад.

– Ну-ка постой, голубчик! – схватил его за странно прижатую к корпусу руку один из мужчин и потянул к себе. Из-под полы плаща этого нового посетителя выскользнул топор и с гулким стуком упал на пол. Посетитель испуганно вскрикнул и рванулся из крепкого захвата. Но мужчина удержал его. К нему на помощь присоединился второй мужчина. Вдвоем они заломили новому посетителю руки за спину.

– Признавайся, негодник, зачем с топором за пазухой пришел, а то живо в милицию отведем, – грозно рявкнул на него тот, который схватил его первым.

– Не нужно в милицию, пожалуйста! – взмолился новенький. Он был смертельно бледным, исхудавшим, совсем еще юным. – Я не хотел никого убивать! Хотел только попутать и денег взять. Мне на дозу нужно. Ломка у меня сейчас начнется.

Процентщица ничего толком не поняла, но испугалась ужасно. Она почувствовала, что на этот раз ее Господь от смерти уберег.

– Что же это за старик такой, который обо всем знает наперед и подсказки ей делает? – терялась в догадках старуха, – А вдруг он черный колдун? Так и есть! Как она сразу не догадалась? Ведь все на это указывает. И шляпа у него как у страшного черного колдуна, и очки как у колдуна, и лохматые седые брови, и седые усы с бородой! А главное – та самая тетрадь! Не простая это тетрадь, а колдовская! Каков хитрец! Если кто в черном колдовстве его заподозрит и надумает проверять, то при нем ничего колдовского не обнаружится. Кто ж додумается тетрадь его колдовскую искать у бабки-процентщицы?

От этой страшной догадки старуха впала в отчаяние:

– Как ей теперь быть? Гнать от себя этого ужасного колдуна боязно: вдруг рассерчает, и порчу найдет на нее? Тетрадь его у себя оставлять тоже боязно: вдруг милиция об этом дознается? Упекут ее тогда в тюрьму как пособницу черному колдуну!

Всю ночь старуха без сна промаялась, терзаясь страхами и сомненьями, но так и не решила для себя как ей выпутаться из этой неприятной истории.

Ой, не зря ей с самого начала не понравился этот старик!

Старуха заварила чай. Она всегда скупилась на лишнюю щепотку заварки, на лишнюю ложку варенья. Но сегодня она решила побаловать себя с большим размахом: заварку сделала погуще, клубничного варенья положила почти полную розетку, булочку белую нарезала. Гуляй – не хочу!

Аромат от густой заварки был необыкновенно хорош. Клубничное варенье покрывало кусок булочки щедрым слоем и его вкус был непривычно насыщенным. Горячий чай приятно согревал душу теплом и веселил сердце. Одно только огорчало: после такой бездумной расто-

чительности ей придется несколько дней посидеть на хлебе и воде. Не потому, что денег мало. Напротив, денег с каждым днем становится все больше. Но ведь не только от хороших прибылей, а и от экономии тоже. Верно ей мать всегда говорила: копейка рубль бережет! Потому она теперь и богата.

Старуха раздумялась от чая, от приятных размышлений о том, что она так бережлива и умна, о том, что она так богата. Она поглядывала в окно на соседку по квартире.

– Вон как спину гнут целыми днями у себя на работе. А теперь уселись на лавочке и сами себе не рады. Чему им радоваться? Поделом им это, за их же глупость, – осуждающе подумалось процентщице.

Неожиданно прямо за окном взметнулось пламя. Через открытую форточку оно жадным языком лизнуло тюлевую занавеску, перескочило на шторы, заплясало по всей комнате. Да что же это творится! Вся квартира в огне! Все богатство горит! Все прахом идет!

– Люди добрые, соседюшки-голубушки! По-мо-ги-те-е-е!!!

Проснулась старуха от того, что свалилась с кровати на пол. Как только руки-ноги не переломала? Надо же присниться такой жути: пожар в доме, все добро в огне сгорело!

К чему бы ей такой страшный сон?

За окном громкий голос. Это кричит соседка с первого этажа. Ее квартира прямо под квартирой старухи. Ох, и дурная баба, ох, и крикливая! По любому поводу орет. Медом не корми, дай наораться всласть. От того она и мать-одиночка. Кто же такую выдержит?

– Безобразие! Я жаловаться буду! Я сейчас пожарного инспектора вызову! У них ремонт в квартире, так они мне весь строительный мусор под окна вывалили! А если кто спичку кинет или сигарету непотушенную?! Это ж весь дом сгорит, а мы с Митрофановной в первую очередь!

– С Митрофановной? Это ж Манька про меня упоминает! – встрепенулась старуха.

– В минуту весь дом сгорит! – продолжала разрываться под окном соседка, все больше впадая в раж.

– Неужто сон в руку?! – перепугалась старуха.

В дверь постучали.

– Иду-иду! – отозвалась процентщица, торопливо натягивая по пути к двери старенький домашний халат.

– Кто там? – спросила старуха.

– Это я, Чернобаев Иван Игнатьевич. Пришел за окончательным расчетом. Уезжаю сегодня.

– Слава Богу, одной морокой у меня теперь будет меньше, – подумала старуха, открывая дверь, а вслух спросила:

– Забираете, значит, свою тетрадь? Вот хорошо-то как! Не по душе мне всякие эти колдовские штучки.

– Читали? – спросил старик.

– Ой! Глупо как проболталась, – подумала процентщица.

– Я говорю, соседка моя под окном с утра пораньше орет. Того и гляди, беду накличет. У нее все плохие слова сбываются. Скажет, как наколдует, – на ходу вывернулась старуха. Она видела, что эта хитрость не удалась, и заранее знала, что не удастся, потому, что старик прозорлив как черт. Но все равно произнесла свою неловкую хитрость, и ей от этого стало как будто легче. Разве бывают глупцы, которые откажут себе в удовольствии попытаться одурачить того, кто, несомненно, умнее их?

– Уже накликала, – подтвердил старик. – Через час этот дом сгорит.

– Господи! Да как же я жить тогда буду?! Иван Игнатьевич, отец родной! Научи, что мне делать?! – заголосила процентщица.

– Прежде всего, не паниковать. И помалкивать. Если начнется паника во всем доме, имущество спасти будет невозможно, – спокойно ответил старик. – Упакуйте свои вещи в чемоданы, в сумки, в мешки. Все не берите. Только самое ценное. В первую очередь, документы. Жаль, что не смогу Вам помочь. Я оставляю Вам плату за сегодняшний день, забираю тетрадь и уйду. Мой поезд через несколько минут, и я должен на него успеть. А Вам моя помощь не требуется. Через сорок минут к дому может подъехать фургон. Проверьте, кто будет за рулем. Если у водителя будут черные усы и черная борода, можете смело ему довериться. Если у него будут рыжие усы и рыжая борода, знайте – это вор и обманщик.

Старик расплатился, забрал свою тетрадь и ушел.

Старуха сноровисто собрала в отдельный пакет документы, в отдельную сумку все наиболее ценное: драгоценные камни, золото, деньги. С такими миллионами она не пропадет даже после пожара. В несколько ящиков процентщица утолкла закладное имущество своих должников. В несколько чемоданов уместились одежда и обувь. Заранее приготовила скупую плату за переезд к очень дальней родственнице, одиноко доживающей свой век в бедном домике на окраине города. Притворившись, что вышла подышать свежим воздухом, процентщица присела на лавочку возле своего подъезда. Она не сомневалась: колдун знает все наперед, фургон непременно подъедет. И она не ошиблась. Фургон остановился прямо перед тем подъездом, в котором жила старуха. Она подошла к водителю и со своей природной недоверчивостью стала всматриваться в его лицо. Жулик или не жулик?

– Что, бабуля, родню увидела? – спросил пассажир, весело оскалив в улыбке шерба-тый рот.

– На новую квартиру переезжаю. Поможете с переездом? – спросила процентщица, удостоверившись, что у водителя черные усы и борода.

Водитель и пассажир оказались мужиками покладистыми и уважительными. За несколько минут они перетаскали в фургон не только упакованное имущество, но и всю мебель, весь домашний скарб. Лишь голые стены остались, да голые полы и потолки.

Пассажир после погрузки попросил у старухи на пиво, распрощался и ушел.

– Пригляди, мамаша, со стороны, как я задом буду сдавать. Махни рукой, если что, – попросил водитель и стал осторожно выруливать задним ходом на разворот. Перейдя на первую передачу, он высунулся из окна и захохотал. Старуха смотрела на него, не веря своим глазам. Будто подменили человека. Вместо милого добродушного мужчины на нее, вытаращив глаза пялился из кабины какой-то хам с ярко-рыжими усами и бородой.

– Прощай, мамаша! – прокричал он, давясь от хохота. – Будь здорова, не кашляй!

С этими словами и уехал, оставив старуху с носом.

– Никакого пожара не будет, – смекнула задним умом процентщица, – Какую длинную комедию разыграли: и колдовская тетрадь, и «гибель посетительницы», и приход «убийцы»,

и пожар, и черная борода! А кто бы на ее месте не поверил во все, если обманщик прикинулся колдуном, у которого все предсказания сбываются? Это теперь лишь понятно, что в тетрадь все те глупости мог любой дурак написать, что в газете каждый день сообщается о гибели какой-нибудь женщины под колесами. Таких смертей по городу хоть отбавляй. И мужчина, которой поймал «убийцу», потом опять объявился. Пассажиром в фургоне приехал. Хоть и переоделся, но старуха его все равно заподозрила. Только слишком поздно сообразила, что это все тот же самый подставной человек. Мусор Маньке под окна кинуть и вызвать ее на то, чтоб помитинговать, и подавно много ума не надо. А брови, усы и бороды менять с седых на черные, а с черных на рыжие можно в одну минуту. То-то рожа у всех этих бородатых казалась одинаково подозрительной. Ведь одна и та же рожа это была. Как она сразу этого не усмотрела! Все умом своим хвастала, да острым глазом, а перед этими мошенниками сплеховала.

Скучно в доме престарелых. Тоска смертная. Только и развлечений, что посмотреть телевизор в холле, да посудачить о том, как безнравственна и жестока современная молодежь. В этих разговорах каждый повторяет то же самое, что говорил вчера, позавчера и многими днями раньше. От этого становится еще скучнее. На днях в дом престарелых поступила новенькая. Ее рассказы тоже повторялись изо дня в день. Но они еще не успели наскучить. Вначале все думали, что новенькая выдумывает про свое недавнее богатство. Потом это подтвердилось. От этого интерес к ее рассказам возрос. И хотя рассказчица из нее была никудышная, многие вновь и вновь уговаривали ее повторить историю о шайке мошенников под предводительством ловкого негодяя с накладными бровями, усами и бородой.

Возвращение Чумного

Кирилл метался в бреду. Его воспаленное сознание порождало кошмары. Сейчас он вдруг ощутил себя узником тесной и душной камеры, в которую ломилось чудовище. В этом кошмаре все происходило по ужасному, заранее известному сценарию. Тяжелая кованая дверь камеры все сильнее гнулась и сотрясалась под мощными ударами снаружи. Наконец, она сорвалась с петель и отлетела к дальней стене. Чудовище вползло в камеру, увидело застывшего от страха Кирилла, и его злобный рев смешался с истерическими воплями:

– Дежурный!! Убери отсюда чумного!! Он всю нашу хату заразит!!!

И «Чумного» убрали.

Провалы в сознании чередовались с кошмарами, среди которых навязчиво доминировал тот, в котором злобное чудовище вгрызается Кириллу в горло, пьет его кровь и заражает Кирилла своей ядовитой слюной. Под воздействием этого яда Кирилл вначале умирает, а затем возрождается в страшном облике такого же злобного чудовища, и выходит на такую же кровавую охоту.

Сознание вернулось пугливой птичкой. Казалось, что оно вот-вот упорхнет. Но оно осталось.

– Кризис миновал. Теперь, больной, ты пойдешь на поправку, – сказал врач.

– Я в больнице? – спросил Кирилл.

– В санчасти следственного изолятора, – ответил врач.

Возвращение Кирилла в камеру ознаменовалось закреплением за ним погоняла «Чумной».

Глава 1

Объективная реальность была подобна жутким кошмарам, преследовавшим Кирилла во время его болезни. Кровожадное чудовище с ядовитой слюной неотвратимо надвигалось на него, пронзая флюидами беснующейся ненависти и раскатами голодного урчания. Этим чудовищем было... все окружающее пространство. Кирилл понимал, что после укуса этого уродливого монстра, он перестанет быть человеком. Кириллу приходилось встречаться с жертвами этих укусов – такими же точно чудовищами – на воле. Тогда ему удавалось избежать их укусов. Но здесь ему некуда деться от их преследования. Он обречен стать чудовищем. Как все. Как почти все.

– Слышь, Чумной! Мне свидетель нужен для алиби. Ты как? – тихо спросил Крученный, испытующе сверля Кирилла взглядом.

– Никак! – также тихо, но твердо ответил Кирилл и отвернулся.

– Не уважаешь?

– Не уважаю.

– За неуважение ответишь.

– Может, прямо сейчас? – поднялся со своего места Кирилл.

– Потерпи, – с многообещающей злостью ухмыльнулся Крученный.

Примерно через час после этой стычки с Крученым к Кириллу подошел Бегемот, и молча ударил его своей тяжелой ладонью по шее. Между ними произошла драка. Еще через час Кирилла спровоцировал на такую же беспричинную драку Кувалда. Бегемот тем временем перешептывался с лысым здоровяком по кличке «Котовский», и Кирилл уже понял, с кем ему придется драться в следующий раз. В течение трех суток Кирилл был втянут в драку с каждым из сокамерников, кроме закулисного организатора всей этой кутерьмы – Крученого. Тот с затаенным злорадством наблюдал за избиениями Кирилла из своего угла, и, источая флюиды ненависти, готовил какую-то главную пакость.

Кровожадное чудовище с ядовитой слюной неотвратимо надвигалось на Кирилла...

Глава 2

Дни избиений завершались ночами бессонницы. Едва Кирилл забывался в сонливом дурмане, как кто-нибудь из сменявших друг друга у его изголовья сокамерников начинал трясти его:

– Слышь, Чумной! У тебя курево есть? А хлеб? А сало?

И так всю ночь напролет.

После двух бессонных для Кирилла ночей и трех дней избиений настала, наконец, третья ночь. Дежурных коломутчиков к нему в эту ночь не приставили, и Кирилл, будто в пропасть провалился в беспамятство.

Когда все сокамерники уснули, со своего ложа бесшумно соскользнул Крученный. Он выждал час своей мести Чумному. Он единственный, кто не вступал с Чумным в драку. Значит, у него нет явного мотива для расправы.

Крученный растерялся, не обнаружив Чумного на его обычном месте.

– Куда он, сука, заныкался? – лихорадочно думал Крученный, внимательно всматриваясь в спящих в поисках Чумного.

– Куда он, сука, заныкался?! – кинулся Крученный к своим подручным, Бегемоту и Кувалде.

Через несколько минут все сокамерники были подняты на ноги. Все искали Чумного, но тот будто в пропасть какую-то провалился.

Мистика, да и только!

Все еще более удивились, когда на утренней поверке о Чумном не вспомнили. Будто бы он и не значился в списочном составе содержащихся в этой камере. Новенького на его место не помещали. Сокатерники поглядывали на место Чумного с необъяснимым суеверным беспокойством, угадывая во всех этих странностях какую-то чертовщину. Так в непонятности и тревоге прошли для них три дня и две ночи. А на третью ночь, когда Крученный переместился во сне в какую-то иную реальность, в дверь их камеры стало ломиться что-то, вселяющее неопиcуемый ужас. Тяжелая кованая дверь камеры все сильнее гнулась и сотрясалась под мощными ударами снаружи. Наконец, она сорвалась с петель и отлетела к дальней стене. Чудовище вползло в камеру, увидело застывшего от страха Крученого, и его злобный рев смешался с истерическими воплями:

– Дежурный!! Убери отсюда Чумного!! Он всю нашу хату перегрызет!!!

Генералиссимус и маршал (картины, ускользающие от понимания)

– Кайтесь! Ибо конец уже близок! – резко выкрикивал юродивый, грозно сверкая глазами и потрясая перстом.

Отшельник стоически усмирлял свою плоть постом и взлелеивал веру умной, горячей молитвой. В коротких промежутках между долгими часами непрерывного молитвенного бдения он забывался в легкой полудреме. И тогда на него нисходило понимание тайн, недоступное простым смертным. Но иногда это были незавершенные обрывки тайных знаний, которые много позже выстраивались в единственно верном и абсолютно ином направлении.

Конец близок!

Отшельник чувствовал это и в своих тонких снах часто видел хаотичные картины, перекликающиеся с этими ощущениями. В хаотичных картинах тех снов он не искал ответов. Но они были такой же частью его самосознания, как и крупы истины, дарованные ему через озарения.

Однажды привиделась отшельнику в тонком сне некая женщина. Она была молодой и источала многие соблазны. Женщина обладала феноменальнейшим даром: она *всегда* знала, что ей нужно. Или почти всегда. Другие только думают о себе, будто знают это. Но как только они попадают в ситуацию с трудным выбором, теряются и не находят правильного решения. Поэтому, когда женщина получила огромную власть, она взяла себе имя «Иезавель». В переводе с древнего языка ее предков это имя означает «знающая, когда и как».

Таким же был ее муж. Но он намного порядков превосходил ее в этом феноменальнейшем даре и в могуществе. В знак признания его власти все стали называть его «Арм». В переводе с древнего языка его предков это имя означает...

Впрочем, точного перевода этому слову нет. С наибольшей степенью точности его можно перевести как «способный осилить все».

Так привиделось это отшельнику в одном из его тонких снов.

В другом своем тонком сне отшельник увидел уже иное:

Город, объявленный Армом как «последняя обитель зла на Земле» был осажден.

Все войско Арма было охвачено жадой подвига. Каждый солдат рвался в бой.

Офицеры недоумевали: для чего Главнокомандующий продолжает осаду и накопление огневой мощи, если уже давно все готово для проведения массированного уничтожающего удара по городу вероотступников, злобных колдунов и лжепророков?

Однако это недоумение не могло поколебать их веры в непогрешимость своего полководца. Все знали, что Арм был непогрешим.

Тянулись горячие дни и томительные ночи осады.

Стягивались к осажденному городу все новые и новые силы.

Насколько кошка превосходит мышь?

Иезавель имела фобию, от которой не могла избавиться по той причине, что не желала обнаруживать ее ни перед кем даже в лечебных целях. Иезавель боялась мышей. Страх ее был так силен, что она при всем ее уме не могла надивиться силе и бесстрашию кошки, легко побеждающей этого загадочного врага.

Страх Иезавель породил в ней ненависть к мышам. И ее любимой забавой было наблюдение с безопасных позиций за тем, как кошка расправляется с мышью. Поэтому пока ее муж готовился к реальному сражению, Иезавель каждый день развлекала себя созерцаниями кошачьей расправы над очередной мышью, изловленной слугами для этой потехи в амбарах.

Другой еще более сильной и еще более затаенной фобией Иезавель была ее боязнь тех, кто жил в осажденном городе.

Она непременно должна увидеть своими глазами как ее Арм уничтожит этих страшных и люто ненавидимых ею жителей последней обители зла на Земле.

Ее Арм поклялся, что позволит Иезавель находиться возле него на его наблюдательном пункте во время проведения массированного уничтожающего удара по ненавистному городу. Он растерзает этих людишек так же, как кошка расправляется с мышью.

Это будет такое зрелище!

Из других хаотичных снов отшельника выстроились следующие картины:

Картина первая. Герои готовятся к бою

Два подполковника дрались перед входом в передвижной терминал, оборудованный под офицерскую столовую. Дрались долго, и остервенело. Их мундиры были изорваны, перепачканы грязью и кровью. У одного кровь текла из носа, у другого – из глубоко рассеченной брови.

Вдали толпились солдаты. Они наблюдали за дракой. Их лица были угрюмы.

Поблизости от дерущихся с деланным безразличием вяло переговаривались еще четверо подполковников. По едва заметной напряженности в их взглядах было ясно, что им давно уже не терпится ввязаться в драку. Но нужен какой-то предлог.

Внезапно возле дерущихся появился генерал-лейтенант.

– Разойтись! – рявкнул он на дерущихся. Но они его не услышали.

– Разнять их немедленно! – приказал генерал-лейтенант своим адъютантам.

Приказ был тут же выполнен. По его распоряжению драчуны были взяты под стражу, а четверо их друзей отправлены к военному дознавателю на допрос в качестве свидетелей.

Генерал-лейтенант был в ярости. Войдя в передвижной терминал, оборудованный под жилье для высшего командного состава, он, не отвечая на приветствия, прошел в свои апартаменты и заперся. Его трясло от обильного выброса в кровь адреналина.

– Скоты! – заходился в гневных мыслях генерал. – Что говорить о солдатах, когда даже старшие офицеры давно уже потеряли человеческий облик? Еще неделя осады – и все до единого представителя этого доблестного войска перегрызут друг другу глотки от ненависти.

Генерал достал из внутреннего кармана кителя фляжку и сделал три маленьких глотка.

Успокоительный эликсир горячими потоками заструился по телу, согревая и освежая все ткани. Взгляд прояснился, мысли обрели четкость, душа окрепла.

Генерал удобно расположился в кабине универсального биоэлектронного имитатора и запустил любимую программу. Она перенесла его в другой мир. Прекрасный, нежный и ласковый. Там он был молод и полон сил. Там была первозданная природная красота, там хотелось жить, петь и прыгать от избытка счастья, наслаждаться любовью женщин и дарить им в ответ свою неиссякаемую любовь.

Пробуждающаяся генетическая память подсказывала ему, что этот удивительный мир когда-то действительно был.

Почему он так подурнел, превратился в сточную яму, наполнился ненавистью и горем?

Почему этот мир отнял у людей любовь к жизни, друг к другу, заменил радость на уныние, любовь на злобу? А, может быть, это не мир изменил людей, а люди, испортившись, сами погубили его своей отрицательной энергетикой? Когда-то он слышал такую версию, но тогда его математический ум скептически отнесся к рассуждениям, построенным на бездоказательных выкладках. Теперь он склонялся к тому, что эта версия совпадает с вектором исторического развития.

Генерал выключил любимую программу и принял снотворное. Ему необходимо было уснуть, чтобы не сойти с ума в этом разлагающемся от ненависти войске.

Старый генерал не верил в то, что уничтожение осажденного города со всеми его жителями «избавит Землю от зла». Его ум был независим от влияния лозунгов свыше, от магнетического воздействия «массового сознания» и от приступов массового психоза.

Генерал не верил в непогрешимость Арма. Его конструктивный рассудок коробило от малейшей неадекватности. В стягивании великих сил и средств к осажденному городу он видел только то, что и следует видеть военному: великую несуразность.

Он принял решение. И он осуществит его, если оно не изменится после успокаивающего сна.

Картина вторая. Гроза

Ночная гроза была величественна и ужасна. Она сотрясала пространство с поразительной всеокрушающей мощью.

Яркие молнии с треском разрывали темноту, высвечивая громады передвижных терминалов. В бликах молний терминалы выглядели зловеще и фантастично. Они заполняли собою все окрестности осажденного города в радиусе, уходящем далеко за горизонт. Внешне они были абсолютно одинаковы, не имели никакой наружной маркировки, и сведения об их предназначении содержались только в их многорядных микрочипах с различными уровнями доступа. У маршала Агеддона был полный доступ. Он был одним из четырех приближенных Арма, имеющим полный доступ к таким секретам. Но Агеддон был первым в этой четверке. К тому же он был единственным, чье имя не было тайной и часто произносилось в войсках рядом с именем самого Арма.

Гроза разбудила Агеддона, и он тут же связался со службой эксплуатации защитных систем. То, что за работой этих систем ведется круглосуточное наблюдение дежурными бригадами специалистов экстра класса, не притупляло его бдительности. Маршал во всем желал убедиться лично, и был вездесущ. Он последовательно «пролистал» на своем мониторе основные блоки информации о состоянии важнейших защитных систем. Противогрозовая защита функционировала на главном, дополнительном и дублирующем уровнях в режимах высочайшей надежности. Скрытые электронные посты комплексного просвечивания ближних, средних и дальних подступов к месту дислокации войск фиксировали даже мельчайшие природно-фоновые характеристики. Экраны сплошного информационного потока, отмечавшие всплеск природной гиперактивности в животном мире за час до грозы, теперь отражали повышенную активность многочисленной популяции дождевых червей, начавших перемещение к земной поверхности. Экраны актуальных (не природно-фоновых) информационных потоков мерцали серо-голубыми и светло-зелеными цветовыми оттенками, не беспокоя тревожной красной подсветкой со звуковой сигнализацией.

Внимательно и придирчиво пройдясь по всем тестовым характеристикам, маршал Агеддон облачился в непромокаемую экипировку и вышел на открытую веранду своего терминала. Едва он успел пристегнуться страховочным тросом к фальшборту, как на него обрушился мощнейший дождевой заряд, сбил с ног и швырнул в дальний угол. Агеддон рефлекторно сгруппировался, перевернулся ногами вперед по ходу движения и самортизировал удар. Следующий дождевой заряд пригвоздил его к полу, не позволив подняться на ноги. Гроза набирала силу.

Спустя несколько минут маршал лежал на кушетке. Бойцы его личной охраны по командам медперсонала растерли маршала какой-то спиртовой настойкой, перенесли в постель и ушли, оставив наедине с медиками.

Агеддон был доволен собой. Он прожил несколько минут в родной стихии, имя которой «Гроза»! Маршал обожал грозу и считал ее самой главной из всех стихий. Не случайно же древние греки поставили ее повелителя, громовержца Зевса, над всеми другими богами. Мир изменился с тех пор. Человек дерзнул бороться со стихиями, и они покарали его за это. Они стали проявлять такую мощь, какой Земля не ведала со времен всемирного потопа. Землетрясения и извержения вулканов, наводнения и пожары; горные обвалы, сходы селевых потоков и снежных лавин; смерчи, ураганы, шторма, цунами: все восстало против людей. Страшные стихийные бедствия стали такой же обыденностью, как смена фаз Луны. Малые стихийные бедствия стали происходить почти такой же регулярностью, как смены дня и ночи. Даже звери, птицы и насекомые стали чинить человеку все больший вред. Люди стали роптать и искать виновных. Нашли и взяли в осаду.

Агеддон знал, что будет дальше.

Конец близок!

Картина третья. Мене, Мене, Текел...

Не спал в эту ночь и Арм. С каждым днем неприятностей становилось все больше. А как прекрасно все начиналось!

Арму вспомнилось начало его славного и триумфального пути.

Вначале они были вдвоем: он и Агеддон. Агеддон был горяч, амбициозен и бесстрашен. Его военная карьера вышла на головокружительный виток, когда ему едва исполнилось тридцать лет. Многим ли в его годы удавалось стать генералом? А Агеддону удалось много большее. И было отчего! Под его командованием малочисленное, плохо вооруженное, полуголодное войско вдруг стало одерживать победы над грозным и непобедимым ранее противником. Майор-артелерист, принявший командование над недобитыми остатками обезглавленной армии как старший по званию, вдруг оказался военным гением! Богом войны! Он одерживал победы над маршалами! Стоит ли удивляться, что за два года таких невероятных побед он и сам был удостоен маршальского звания, а его имя стало символом национальной воинской славы? Однако с первых дней его восхваления Агеддон пророчески заявлял:

– Не я бог войны, а другой! Я перед ним не больше, чем мерцание малой свечи перед ликом Солнца!

Этому не верил никто, пока не увидели все пророческую истинность тех слов.

Он появился через полгода после первых невероятных побед полководца Агеддона. Их стало двое. Но вновь объявившийся был в сравнении со своим прославленным предтечей как Солнце рядом с малой свечей. Все изумились ему и нарекли его именем «Арм».

Великие чудеса свершал он на поле боя. И очень малый срок потребовался ему, чтобы быть удостоенным звания «генералиссимус».

И все народы, и племена пали к его ногам. Все покорились ему. Все вославили его не только как бога войны, но и как бога всех богов. И было ему тогда немногим более тридцати лет.

Таким было начало того необыкновенного пути генералиссимуса и маршала.

Они оба знали все, что будет дальше.

Этой ночью Арм задремал перед началом грозы. И ему снился сон. И этот сон устроил его. Приснился ему голос громкий как звуки множества труб, и могучий как воды множества бурных рек. И этот голос произнес слова, ужаснее которых не слышали повелители мира:

– Мене, мене, текел...

Арм проснулся в испуге.

– Что это было? Сон или видение?

Арм знал, что означают эти устрашающие слова.

Картина четвертая. Завтра свершится предначертание

После сильной ночной грозы утро выдалось солнечным. И это было еще хуже, чем гроза. Гроза чинила вред избирательно, ударами молний. А Солнце посылало Земле свои смертоносные лучи сплошным и всеохватывающим потоком. Когда-то, очень давно, они несли жизнь, теперь – гибель. Громады передвижных терминалов злобно разбрызгивали по всем направлениям льющийся на них свет, и казалось, будто они находятся в сговоре со светилом.

Утренние оперативные сводки не радовали. За последние сутки небоевые потери среди солдат составили 713 человек, в том числе среди мужчин – 509, среди женщин – 204 человека. Причина одна: драки на почве внезапно вспыхивающей немотивированной и неконтролируемой ярости. Если бы не круглосуточное видеонаблюдение и не отряды мгновенного реагирования, потери могли бы стать непредсказуемо большими.

Среди командного состава такие потери составили 68 человек.

Так было ежесуточно. Но в дни усиливающейся солнечной активности и в ночи полной Луны количество этих потерь делало огромный скачок. Однако и к этому уже успели привыкнуть. Непривычным было другое: во время ночной грозы покончил жизнь самоубийством один генерал-лейтенант по прозвищу Старый Ворчун.

– Пожалуй, им повезло, – сказал Арм Агеддону, глядя в выведенный на монитор список небоевых потерь.

– У них появился шанс, – ответил маршал.

Арм перевел передачу оперативной сводки в звуковой режим и прикрыл глаза.

Он вслушивался в сводку, анализировал потоки поступающей из нее информации и одновременно думал о своем.

Как быстро промелькнула его недолгая жизнь! Он видел, что ему завидуют многие. А жалел его только один. Тот, кто знал о нем *все*.

Слава, всенародная любовь, любовь женщин... Всего этого было так много! Все это так переполняло его жизнь! И так быстро и бесследно улетучивается теперь, не оставив никакого следа!

Какое это страшное проклятие – прожить такую судьбу!!

Какое это высочайшее благо – прожить суровой жизнью тех, кого он так люто ненавидит!!!

Завтра свершится предначертание.

Подготовка окончена. Все силы стянуты и размещены на заранее намеченные позиции. Все технические ресурсы переведены в готовность №2. Остается самое трудное: дожидаться завтрашнего рассвета и не сойти с ума от этого ожидания. Эту трудность Арма никогда не сможет понять никто, кроме одного человека. Того, кто знает *все* о нем и о себе.

Арм не может оставаться один. Но он не может больше оставаться и с тем, кто знает о причине его нечеловеческого страдания. Арм удаляется в свои апартаменты и вызывает Иезавель. Она прибыла в расположение войск вчера вечером, перед началом грозы. Но Арм еще не виделся с ней. Ему было не до нее. Теперь она должна будет заполнить собою все пространство его души и вытеснить оттуда невыносимую боль. Иезавель подарит ему свою удивительную любовь. Такой искусной любви Арм не встречал ни у одной другой женщины. В любви Иезавель *всегда* знала «когда и как». Или почти всегда. Другие женщины только думают, будто бы знают это. Понять, как глубоко они заблуждаются, можно лишь в сравнении с Иезавелью.

Картина пятая. Какое это было зрелище!

Весь лагерь был поднят по боевой тревоге за два часа до рассвета. Тревога была бесшумной и все события, вскипевшие внутри громадных терминалов, никак не обнаруживали себя за их пределами. Внешне лагерь, залитый лунным светом, казался мертвым.

В считанные минуты каждый занял свое место согласно боевому расписанию.

Орудия были переведены в готовность №1. Все затаились в ожидании команды на проведение массированного удара.

Никогда еще за всю историю существования этой цивилизации не удавалось собрать воедино такую военную мощь. Но никогда еще не стояло перед людьми и такой необычной задачи: враг был опасен и непонятен.

Такого рода столкновения происходили и прежде. Но то были иные масштабы.

В ветхозаветные времена собирались огромные толпы разъяренных людей и побивали лжепророка камнями. Во времена инквизиции крестоносцы целыми армиями проходили с огнем и мечем по землям колдунов и чародеев.

Теперь все народы и племена поднялись на битву с лжепророками, чародеями и колдунами. Истинное могущество этого врага не было ведомо никому. Но рассказы очевидцев пугали. А в виновности врага сомневаться не приходилось: его обличает тот, кто мудр и непогрешим, ибо он бог над всеми богами.

Поле предстоящего сражения вдруг окутала крошечная тьма. Вслед за тьмой объявились злобные порывы ветра, несущие холод, песок и камни. В завываниях ветра слышалось такое грозное предостережение, что в сердца людей стал вползать мистический страх. Войско оказалось на грани паники.

Арм как опытный полководец понял, что медлить больше нельзя. В его памяти откуда-то всплыла фраза: «Промедление смерти подобно». Он тут же произвел последнюю проверку всеобщей боевой готовности. Вслед за этой проверкой Арм дал команду на начало обратного десятисекундного отсчета перед открытием беглого залпового огня из всех орудий.

На пятой секунде этого отсчета все небо внезапно озарилось ярким пламенем, и на терминалы обрушился карающий небесный огонь.

Это было жуткое зрелище!

На этой страшной картине черед хаотичных снов об Арме и Агеддоне оборвалась, оставив отшельника в размышлениях. Отшельник знал, что однажды вместо этих хаотичных картин ему может открыться истина о карающем небесном огне. Но если это и произойдет, ему, вряд ли будет дано повеление поведать ее простым смертным.

Климат опасно меняется. Земле грозит потепление. Но эта зимняя ночь выдалась ветреной и холодной. Все сидели в домашнем тепле, не решаясь выйти наружу. По опустевшим улицам брел юродивый. Он грозно сверкал очами и потрясал перстом. При этом он что-то кричал. Но вокруг не было ни души, и его слов никто не слышал.

Геор – Молчун

Он был лучшим воином на земле. Он мог сразиться с тысячей бойцов одновременно и одержать победу. Но он остался один против целого войска. И она сказала ему:

– Умри только после меня!

– Да, царица! – ответил воин.

Когда царь-победитель вошел к ним в Тронный зал в окружении пятисот своих стражников, воин лишь усмехнулся. Но их Нефритовый Дворец был осажден бесчисленным войском Великого Завоевателя. И царица сказала:

– Наша судьба свершилась.

Молниеносным взмахом чудо-сабли воин отрубил голову той, что была прекраснее всех на свете. Следующим движением Воин приставил острие сабли к своей груди и рухнул навзничь, пронзив себя насквозь.

Мужчина провел ладонями по лицу сверху вниз: испытанный прием избавления от захлестнувших воспоминаний.

– Тебе налить? – спросил у него Паук.

– Нет, – ответил мужчина, и повернулся на своей лежанке лицом к стене.

– Лучше не видеть того, что происходит вокруг, – подумал он. – Вернее, не видеть того, что вокруг *совершенно ничего не происходит*.

Мужчина пытался осмыслить воспоминания *той своей жизни*, но его мысли заходили в лабиринт, не имеющий выхода. Та жизнь была довольно короткой. Но в ней было столько опасных и невероятных приключений, что их хватило бы на сотню обычных жизней и десятки сотен таких, как теперешняя. Конец же той жизни казался совершенно невероятным...

Его теперешняя жизнь не удалась. Он будто наблюдал ее со стороны. А душа его была переполнена той, давно прошедшей его жизнью.

Однажды кто-то сказал:

– Бомжами становятся те, кто заблудился в своем близком или очень далеком прошлом.

А кто-то другой возразил:

– Бомжами становятся те, кто равнодушен к настоящему.

Наверное, правы оба.

Он помнил давно прошедшую жизнь от первых младенческих впечатлений до последней секунды. За что ему эта мука? Она не дает ему жить теперешней жизнью. Его мысли и чувства бурлят в тех бесконечных даях. Там кипит его горячая кровь, там одерживает славные победы его неукротимый дух. Все было растрачено там.

Как-то на паперти к нему подошел старик и, окинув его острым взглядом, вымолвил:

– Всем всего поровну отмерено. Кто прежде перебрал, тот позже недополучит.

Глава первая. Молчание бомжа

Среди таких же бомжей как он мужчину прозвали «Молчуном». Казалось, что он все время напряженно думает о чем-то и никак не додумает до конца. Так это и было на самом деле. Сегодня он начал опробовать новый путь к решению самой большой загадки своей прежней жизни. Сегодня он думал про Адама. Не в судьбе ли родоначальника всех людей скрыты тайны многих судеб сыновей человеческих?

Механически проходя по давно изведанному маршруту, Молчун собирал в пакет алюминиевые банки. Этот промысел позволял ему жить. Серый, безликий день был под стать бездушию того города, в котором доживал свои дни старый бомж. Но тем ярче была в памяти та жизнь, где жарко светило солнце, буйно цвели сады, пламенели фантастические закаты. Однако воспоминания лишь напрасно терзают душу, если ум не находит ответов на их загадки. С каждым днем он все ближе к ответам. Нужно только собраться с мыслями. Собраться яростно и мощно. Как тогда, в самых главных сражениях его прошлой жизни.

Молчуну не хватало сведений о многих важных обстоятельствах жизни первого человека. Но он вспоминал свою прошлую незабываемую судьбу и странным образом находил в ней подсказки к судьбе Адама. Их судьбы похожи в главном: они оба погибли из-за любви. Но какая это была любовь!

Бог поставил Адама ближе всех к животному миру. Царствуя над тем миром, Адам видел, как создаются в нем семьи, появляется и вырастает потомство. Эти радости коснулись его сердца, и он остро почувствовал свое одиночество. Этого не могло не случиться.

Когда была создана Ева, они с Адамом пошли навстречу своей любви с очень неравных позиций: Еве еще нужно было осмотреться, осмыслить всё происходящее вокруг неё, проникнуться ощущением бытия, и лишь после войти в то состояние, где берет медленное начало неясное, тревожное томление – предвестие неистовой страсти. Только войдя в томление, ей предстояло начать поиски средств к его утолению. Лишь тогда ее ищущий взгляд, скользящий мимо Адама, стал бы изредка задерживаться на нем. И не скоро предстояло ей осознать, что ее средство к снятию томления – в мужчине. Но и после этого осознания она не сразу созреет для беззаветной любви. Для такой любви необходимо, чтобы мужчина оставался совершенно холоден и равнодушен до самого последнего момента. Тогда любовь женщины развивается безо всяких помех, и вызревает быстрее.

Если бы Адам это знал! Да, если бы еще он не только знал это, но и сумел бы данным знанием распорядиться! Не было бы первородного греха. И все бы мы жили в раю.

Но случилось все так, как тому и было суждено. Адам, измученный одиночеством, получил в утешение женщину. Он быстро и естественно воспылал к ней неукротимой любовью: Ева была красива, грациозна, умна. Она была самым последним, самым совершенным и самым любимым творением Бога Отца. Бог создавал при сотворении Земли предметы все более сложные. И в этой многообразной последовательности прекрасным венцом всех его творений стал не просто человек, как это принято говорить, а женщина. И Адам понял это, увидев Еву. Он безоговорочно принимал все ее условия и капризы. Для нее это не было хитростью. Она морочила его различными своими условиями для того лишь, чтобы выгадать время, свыкнуться с ситуацией, осмотреться. А он, не понимая этих тонкостей, все более распаялся. Так сложился тот пагубный дисбаланс степени их влюбленности. Таким он и оставался все время пребывания их в раю.

Так подумал об этом Молчун. Он увидел в этом часть ответа на главную загадку своей судьбы.

Глава вторая. Взлёт в падении

Товарищи по оружию называли Воина «Геором». Первыми так стали называть его в войсках союзной армии, где он принял командование конницей. В переводе с их языка слово «геор» означает «разящий клинок». Это было еще в начале его воинской славы. Вскоре это прозвище стало легендарным и навсегда заменило его настоящее имя. Слава о непобедимом Георе вдохновляла поэтов и музыкантов. Через их возвышенное искусство он вошел в мечты многих девушек. Они шептали его имя в ночных грезах и принимали обеты безбрачия: они клялись себе, что будут принадлежать только ему или никому.

Настало время, и лучшие поэмы и песни о несравненном воине Георе зазвучали в стенах Нефритового Дворца. Царица сама не заметила, как мечты о бесстрашном Георе завладели ее гордым сердцем настолько, что она влюбилась бы в него, будь он хоть чудовищно уродлив. Но Геор был хорош собой.

Однако их первая встреча имела неожиданные последствия: Царица осталась разочарованной. Она ожидала от героя своей мечты нескончаемого потока изысканных комплиментов, изящных дворцовых манер, личного знакомства с поэтами, композиторами, скульпторами, художниками. А он оказался неразговорчив, сдержан в словах, не улыбочив. Его лицо не светилось возвышенной восторженностью. В нем не было благоговейной почтительности к деталям дворцового этикета. У него не было знакомств в среде самых модных людей искусства.

Неотесанный солдафон!

Иное впечатление от той встречи осталось у отважного воина. Он влюбился в Царицу. Его жизнь вдруг преобразилась и наполнилась новым смыслом. Теперь он совершал свои подвиги во имя красивейшей женщины. Ему ли было помышлять о том, чтобы сочетаться любовью с самой Царицей! Но ничто не могло помешать ему любить свою избранницу, не обнаруживая ни перед кем своих чувств.

Они не знали, что их любовь уже прочно заняла незримое место в их судьбах.

Как много людей было на земле помимо Воина и Царицы! Как много иных партнеров могли бы овладеть их сердцами! Однако любовь всесильна. Избрав для себя двоих, из какого угодно множества, она сберегает их только лишь друг для друга. Став избранниками любви, Воин и Царица, сами того не ведая, остались один на один. Как когда-то очень давно оказались один на один родоначальники всех людей, Адам и Ева. И ни какому уму не по силам разгадать эту великую загадку. Ответ на нее скрыт под непроницаемым покровом тысячелетий в судьбах Адама и Евы.

Так думал об этом Молчун, вспоминая свою прежнюю жизнь с падением в пропасть любви и с высоким взлетом души.

Глава третья. В предчувствии беды

На паперти было людно. Там собирали и подавали милостыню, осеняли себя крестным знаменем входившие и уходившие. Молчун ждал, не выйдет ли священник. Тогда он подойдет к нему и спросит. В ответе священника он найдет хотя бы направление для поиска самых главных ответов.

К Молчуну подошел старик и с состраданием произнес:

– Что? Думать труднее, чем саблей махать? То-то! Иди с Богом! Эти ответы дадутся только тебе самому. А, может, и не дадутся...

Молчун на мгновение прикрыл глаза, чтобы не обнаружить свою растерянность, а когда приоткрыл их, старик уже куда-то исчез.

Адам любил Еву всем сердцем. А она его – лишь малой частью сердца. Но ее вины в этом не было. Адам был слишком нетерпелив и мешал Евиной любви созреть, настояться, перебродить. Там, в раю Евина любовь так и не успела стать для нее всесильным, непреодолимым вождением. Поэтому в раю Ева не смогла насладиться всей силой своей любви сама и усладить ею мужа. Такую любовь женщины Ева испытала только потом, уже на грешной земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.